

П РОШЛОЕ НЕНАСТУПИВШЕГО БУДУЩЕГО

Андреас Буллер – доктор философии, референт в министерстве интеграции земли Баден-Вюртемберг, Штутгарт (Германия)
E-mail: andreas.buller@gmail.com

В исторической науке время от времени предпринимались попытки связать в одном и том же «смысловом конструкте» прошлое и будущее, как это, например, произошло в христианском историописании. Христианская историография искала обоснование своим высказываниям о будущем человечества в библейской истории, потому что будущее принципиально позволяет обосновать себя только на базе прошлого. Этой логике вынуждены были следовать К. Маркс и Н. Федоров, чьи концепции будущего опирались прежде всего на исторические аргументы. Оба философа открыли в человеческой истории нечто вроде исторической «интриги», причины которой лежали в прошлом, а решение возможно было только в будущем человечества. И хотя интрига привела человека к отчуждению от его собственной сущности, она в то же время придала человеческой истории смысл и цель. Как Маркс, так и Федоров видят цель человеческой истории в эмансипации человека.

Ключевые слова: аналитическая философия истории, нарратив и нарративные конструкции, интрига, отчуждение человека, дисгармония жизни.

Т HE FUTURE'S PAST THAT NEVER OCCURRED

Andreas Buller – PhD, Referent im Ministerium für Integration des Landes Baden-Württemberg, Stuttgart / Germany.

In the History of historical science, efforts were made to connect the past with the future in one and the same “sense construct”, like it is the case in Christian historiography. Christian historiography has its own forward-looking statements which are proven in the biblical story, because every future is based on a “historical way”. This logic was also followed by K. Marx and N. Fedorov, whose models of future are principally based on historical arguments. In the course of human history, the two philosophers discovered a kind of “intrigue”, which reason is due to the humans past and its solution in human future. In the concepts of both philosophers, intrigue has caused “alienation” of man from his own nature. It also gives meaning and purpose to human history. The purpose of human history exists for both – K. Marx and N. Fedorov – in human emancipation.

Key words: analytic philosophy of history, narrativity and narrative structures, intrigue, alienation of man, disharmony of life.

Введение

Каждому известно, что историческая наука занимается исследованием прошлого, а не будущего человечества. Однако в истории исторической науки были и такие моменты, когда она обращалась к человеческому будущему. Впервые это, пожалуй, произошло в христианской историографии. Уже в ран-

нем христианстве – в учении «отцов церкви» патристике – предпринимается смелая попытка увязать в одной «системе знаний» прошлое и будущее человека. Историк Средневековья, описывая прошлое, находился в ожидании второго пришествия Христа. По этой причине прошлое для него перестало быть *только* прошлым, а превратилось в «прошлое еще не наступившего будущего». Но для того чтобы видеть прошлое с перспективы его еще не наступившего будущего, необходимо было совершить в историческом мышлении как теоретический, так и методологический поворот. Именно такой поворот и совершили историки христианской эпохи. По своему теоретическому и методологическому значению этот поворот можно сравнить с «лингвистическим поворотом» (Linguistic turn) XX в., потому что этот совершенный христианскими историками поворот к будущему имел далеко идущие последствия для философии истории как Нового, так и Новейшего времени.

Ведь даже Просвещение не позволило себе отказаться от христианской идеи, нацеленной на будущее истории, наполнив ее новым содержанием – просветительская идея будущего основывалась не на принципах христианской религии, а на принципах человеческого разума. Благодаря Просвещению место религиозного пророчества в истории человечества заняла идея прогресса, т.е. идея технологически предсказуемого и человеком управляемого процесса. Просветители *верили* в неограниченные возможности человеческого разума, но эта их *уверенность* базировалась опять же на *вере*. Не случайно слово «уверенность» происходит от слова «вера»: граница между этими понятиями является легко преодолимой.

Однако в своей статье я не рассматриваю историописание христианской эпохи, а исследую историко-философские концепции XIX в., которые, по моему мнению, сохранили в себе следы христианского мышления. Я уже предчувствую возражения читателя, который скорее всего поставит под сомнение тезис о том, что христианские идеи смогли каким-то образом повлиять на мышление К. Маркса. Скептическому читателю я, однако, посоветую обратиться к классической работе С.Н. Булгакова «Маркс как религиозный тип», а также обратить внимание на то, что целый ряд современных исследователей определяет марксизм как своего рода политическую религию¹.

Возможно, что самому последовательному критику марксизма Карлу Попперу как раз и не хватило перспективы *такого* взгляда на марксизм. И хотя Поппер в своей работе «Нищета историцизма»

¹ Проблема политических религий рассматривается как в исторической науке в интернациональном масштабе и в связи с историей коммунизма, так и немецкого национал-социализма и итальянского фашизма. Некоторые примеры работ в этой области: Рыклин М. Коммунизм как религия. Интеллектуалы и Октябрьская революция. М., 2009; Wege in die Gewalt. Die modernen politischen Religionen; H. Maier Hg. Frankfurt, 2000; Gentile E. Le religioni della politica. Fra democrazie e totalitarismi. Rom, 2001.

(Popper K. The Elend des Historizismus) и указывает на элементы предсказания и пророчества в социальных науках, в марксизме он видит прежде всего попытку «научно обоснованного прогнозирования будущего». Но именно по этой причине его критика марксистского «историцизма», употребляя немецкую фразу, «greift zu kurz», т.е. является недостаточной. Поппер явно недооценивает влияния христианской эсхатологии на марксизм, забывая, что попытке марксизма (ре)конструировать будущее предшествовали попытки христианских мыслителей обосновать будущее на основе Священного Писания. И надо сказать, что эти две модели будущего – как христианская, так и марксистская – связывает намного больше, чем может показаться на первый взгляд.

Как христианская, так и марксистская концепции будущего нуждались в определенной «истории» или, точнее говоря, «предыстории». Но если христианская концепция будущего строилась на библейской истории, то теория Маркса целиком и полностью основывалась на экономической истории. Замечу, что любая концепция будущего вынуждена принципиально опираться на какую-либо «историю» или иметь свою «предысторию», потому что любое будущее позволяет обосновать себя только на основе своего прошлого. Другого метода для обоснования будущего у человека просто не существует. И, не зная библейского прошлого, никак невозможно было понять идею христианского будущего. Не зная (пред)истории капитализма, невозможно было понять сущности коммунизма. Без прошлого невозможно понять будущее! Христианские мыслители это хорошо осознавали. Поэтому они изображали будущее и прошлое в рамках одного и того же нарративного конструкта. Причем речь здесь шла уже не о *чисто* историческом конструкте, а о таком нарративном конструкте, который включал в себя высказывания как о прошлом, так и о будущем. В подобном конструкте события давно прошедшего прошлого логически связывались с событиями еще не наступившего будущего в одну смысловую конструкцию.

Но, создавая подобные *конструкты*, историк будущего вынужден был использовать нарративные структуры и предложения особого рода, которые отличаются от нарративных структур и предложений, применяемых обычными историками. Ведь историки, как христианские, так и марксистские, исследовали прошлое с целью познать будущее. И это второй момент, указывающий на общий характер христианской и марксистской моделей будущего.

Структуру нарративных предложений, используемых обычным историком, основательно исследовал в своей работе «Аналитическая философия истории» американский философ А. Данто [Данто, 1980]. Данто особо выделил тот факт, что в историческом рассказе с необходимостью связываются по смыслу два события – раннее с более позд-

ним. При этом как раннее событие, так и позднее событие должны принципиально находиться *в прошлом* исторического исследователя. Историк может только тогда узнать всю правду о прошлом, когда в прошлом окажется не только прошлое рассматриваемого им прошлого, но и будущее этого прошлого: «Всю правду о событии можно узнать лишь после того, а иногда даже после очень длительного времени после того, как это событие закончилось. И за это ответственны одни лишь историки»² [Данто, 1980: 245]. Но именно это правило нарушается историками будущего, которые не ждут наступления окончательных последствий уже свершившихся или же пред их глазами свершающихся событий, а пытаются эти последствия предугадать или научно обосновать.

Историки будущего описывают будущее так, как будто оно уже стало прошлым. При этом они используют те же самые нарративные структуры и предложения, что и обычные историки. Данто, однако, избегает анализа таких нарративных конструкций, которые включают в себя события не только прошлого, но и будущего. Он ничего не говорит нам о нарративной структуре предложений подобного рода. Но такие предложения существуют, и они заслуживают к себе внимания. Более того, если эпистемология истории желает понять суть не только исторических, но и футуристических теорий, то она просто обязана обратиться к исследованию нарративной структуры таких исторических конструкций, которые включают в себя высказывания о будущем человечества.

Будущее как элемент исторической конструкции

Замечу, что далеко не каждая философия нуждалась или нуждается в теориях будущего. Для Артура Шопенгауэра будущее, как, впрочем, и прошлое не имело значения. Ведь «ни один человек не жил в прошлом и также никому не суждено жить в будущем; единственной формой любой жизни является только настоящее»³ [Шопенгауэр, 209: 250], говорил Шопенгауэр. Но рядом с Шопенгауэром в XIX в. работали многочисленные историки, которые не только постоянно рылись в прошлом, но также и мысленно жили в прошлом, за что их в своих «Несвоевременных размышлениях» безжалостно раскритиковал

² «Die ganze Wahrheit über ein Ereignis kann erst im Nachhinein, und gelegentlich nur lange nachdem ein Ereignis stattgefunden hat, gewußt werden, und diesen Teil der Geschichte zu erzählen, obliegt einzig den Historikern».

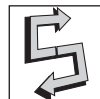
³ «In der Vergangenheit hat kein Mensch gelebt, und in der Zukunft wird nie einer leben; sondern die Gegenwart allein ist die Form alles Lebens...»

Ф. Ницше. Рядом с Шопенгауэром находились также многочисленные философы, чьи историко-философские концепции были устремлены в будущее, например Маркс (1818–1883) и Федоров (1829–1903). Последних я называю также необычными историками. Маркс и Федоров являлись, без сомнения, историками, которые основательно изучали прошлое. Но они были скорее необычными историками, потому что они не могли удовлетвориться взглядом в одно *только* прошлое человека, а стремились познать еще и будущее человечества, т.е. (ре)конструировать человеческую действительность не только в ее *ретро-спективе*, но и в ее *перспективе*. В этом случае простой истории, предлагающей ряд фактов, им явно не хватало: «Мысль должна вернуться к выстроенной ею цепочке фактов, чтобы обнаружить в них скрытый смысл и найти ответ на вопрос, откуда мы пришли и куда идем; иными словами, рядом с историей должна стоять “философия истории”» [Кроче, 1998: 33], как лаконично констатирует Бенедетто Кроче, ухватывая таким образом удивительно точно самую суть любой философии истории. Последняя занимается поиском ответа не только на вопрос «откуда?», но и на вопрос «куда?».

Однако *каким образом* истории, науке, посвященной исключительно прошлому, удастся получить ответ на такой вопрос? Мы знаем, что свои знания о прошлом историк получает, исследуя его остатки, которые он называет историческими источниками или «следами прошлого». Однако будущее не оставило нам никаких «следов». Каким образом тогда философия истории удастся создать модели будущего общества? Каким образом ей удастся их обосновать? Легитимировать модели будущего общества философия истории в состоянии, применяя только исторические методы. Суть исторического метода заключается в (ре)конструкции несуществующих или отсутствующих состояний и процессов. Но такими состояниями являются как прошлые, так и будущие состояния. Контурные этих – *уже* ушедших или *еще* не наступивших – состояний очерчены, часто очень смутно и неясно, в нашем настоящем. Однако профессиональному историку удастся различать, а также «читать» эти почти неразличимые контуры человеческого прошлого. Но мы часто забываем, что наше находящееся в непрерывном развитии настоящее содержит в себе и контуры не только человеческого прошлого, но и человеческого будущего. Последние проявляют себя в начинаниях, новациях, скрытых тенденциях или инновативных экспериментах.

В отличие от следов прошлого контуры будущего указывают не на законченное, а на начинающееся развитие, т.е. символизируют собой не конец, а начало какого-либо процесса. И необходимо, без сомнения, обладать определенной смелостью, чтобы попытаться (ре)конструировать не *законченные*, а только *начинающиеся* процессы, исход которых никому не известен. Далеко не каждый историк решает предпринять

подобную попытку – попытку разгадать в своем настоящем контуры не только прошлого, но и будущего. Однако философия истории делает это, идя навстречу желаниям современного человека, который испытывает гораздо больший интерес к своему будущему, чем к прошлому. Ведь будущее открывает ему перспективу развития и будит в нем надежды. Этим оно, кстати, отличается от законченного и лишено каких-либо перспектив прошлого. Самое полезное качество истории для человека заключается все-таки в том, что она является, перефразируя известное выражение, наставницей *будущей* жизни.

При этом любая концепция будущего всегда нуждалась и нуждается в истории, потому что, только получив *историческую* легитимацию, будущее переставало быть *фантазией* и приобретало статус *исторически* обоснованной теории. Без прошлого не может быть и будущего! Это высказывание истинно не только в *онтологическом*, но и *когнитивном* смысле. Марксизм предоставил нам именно такую, «исторически обоснованную» теорию будущего, в соответствии с которой вся история человечества предстала перед нами как история борьбы классов. Для марксизма классовая борьба имела свой логический смысл и свою конечную цель, которая заключалась в том, чтобы привести человечество к бесклассовому обществу. Обосновывая концепцию классовой борьбы, марксизм, таким образом, одновременно закладывал и фундаменты своей теории будущего бесклассового общества. В концепции марксизма прошлое принадлежало будущему, а будущее – прошлому.

Но и в концепции другого, довольно оригинального философа современности будущее и прошлое были тесно связаны друг с другом. Речь идет о русском философе Николае Федорове, для которого вся история человечества была историей преодоления земного притяжения и постоянного стремления ввысь. Процесс этот, по мнению Федорова, начался с развитием прямохождения, которое позволило человеку «выпрямиться» и «вытянуться», направив себя ввысь. С изобретением самолета человеку удалось оторваться от земли, а со временем, как предугадывал Федоров, он сможет достичь космических высот. К сожалению, Федоров не дожил до первого полета человека в космос. А иначе он, без всякого сомнения, увидел бы в этом событии фактологическое подтверждение своей теории будущего.

Разумеется, интерпретации будущего Маркса и Федорова кардинально отличаются друг от друга, но в этих двух по своему характеру очень непохожих интерпретациях развития человеческого общества все-таки имеются идентичные моменты:

1) в обеих философских теориях прошлое никак не может существовать без своего будущего. В концепции как Маркса, так и Федорова прошлое и будущее являются элементами одной и той же *смысловой* конструкции;

2) в обеих теориях общественного развития события разворачиваются по принципу интриги, вынуждающей человека к действию.

Слово «интрига» я употребляю здесь, конечно, не в обычном бытовом смысле, а в том смысле, в котором его применяет французский историк Поль Вен. К интерпретации интриги Вена мы еще вернемся. А сейчас я хотел бы подчеркнуть тот момент, что идея интриги использовалась в истории задолго до Маркса и Федорова. Вспомним хотя бы библейскую историю нравственного падения человека, после которого последовало его изгнание из рая. Это событие явилось началом настоящей интриги, которая не только поставила человека в тяжелое положение, но и открыла ему перспективу божественного развития. По этой причине у современного человека не угасает интерес к религии, которая открывает ему перспективу бесконечного будущего. Однако религиозное будущее все-таки содержит в себе какой-то элемент неизбежности, а особенность исторической интриги заключается в том, что она вообще не допускает никакого автоматизма развития. Ее исход неизвестен. Потому что там, где существует автоматизм развития, нет и не может быть никакой *интриги*. По этой причине «местом интриги» может быть только одна *человеческая* история, в которой рядом с необходимостью всегда присутствует свобода.

История как интрига

Как в теории будущего Маркса, так и в концепции будущего Федорова мы, несомненно, можем открыть интригу, которая является и нарративной конструкцией, т.е. историческим рассказом, включающим в себя не только *ретроспективный*, но и *перспективный* взгляд на развитие человеческого общества. Этим, однако, суть понятия «интрига» еще не исчерпывается. Интрига является очень сложным и противоречивым явлением: заводя человека в тупик, она в то же время оставляет ему свободу действия, дает возможность выбраться из него.

С одной стороны, интрига разворачивается только в рамках *недетерминированных* процессов, потому что там, где развитие предопределено общественными законами, где господствует абсолютная необходимость, интрига никак не может возникнуть. С другой стороны, историческая интрига предполагает наличие *необходимых* условий, которые достались человеку от прошлого, перешли к нему от предшествующих поколений. Человек чаще всего оказывается в состоянии интриги по историческим причинам. Маркс метко описал условия, конституирующие интригу, заметив, что «люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно име-

ются налицо, даны им и перешли от прошлого» [Маркс, 1990: IV, 337]. Именно исторические условия являются *необходимыми* элементами интриги, без которых она никак не смогла бы возникнуть и развиваться. Но эти необходимые условия открывают человеку и перспективу свободного действия. И без этой перспективы интрига перестала бы быть интригой, а стала бы «историческим законом».

Подобной перспективой действия обладает также и историк, задача которого, по мнению французского мыслителя Вена, состоит в том, чтобы открыть в цепи исторических фактов интригу: «Если мы не будем рассматривать события в их интриге, то нас унесет в пучину бесконечно малого» [Вен, 2003: 44]. Для Вена интрига есть не что иное, как «ткань истории» [Вен, 2003: 42]. Только интрига может выстроить в одну и ту же логическую цепь события как прошлого, так и будущего и «связать» в одной и той же смысловой конструкции то, «что было», с тем, «чего нет», превратив таким образом *потенциальное* в *реальное*. Подобный методологический шаг является, по мнению А. Бергсона, не только вполне естественным, но и необходимым. Ведь для того «чтобы понять новое, мы вынуждены поставить его в зависимость от старого»⁴ [Бергсон, 1985: 130].

Именно эту цель – познать новое – ставят перед собой необычные историки, в чьих исторических концепциях всегда присутствует не только прошлое, но и будущее.

Привлекательность и неповторимость философско-исторических моделей развития человеческого общества, включающих в себя высказывания не только о прошлом, но и будущем человека, заключаются в том, что они дают нам взаимосвязанную и логично обоснованную концепцию общественного развития в целом и таким образом наделяют историю человечества конкретным смыслом. Но надо также заметить, что подобные – *не-* или *внеисторические* – попытки описать в одной и той же *исторической* концепции не только прошлое, но и будущее, всегда скрывают в себе определенный риск, потому что в случае, если предсказанное ими будущее не придет, если ожидаемое будущее не наступит, то вместе с этим ненаступившим будущим всякую силу воздействия на человека потеряет и его прошлое. Нереальным в этом случае станет не только ненаступившее будущее, но и прошлое этого ненаступившего будущего. Подобный исход испытала на себе модель развития человеческого общества, обоснованная Марксом. Судьба этой модели была предрешена *ненаступившим* или, точнее говоря, наступившим, но *не тем* будущим.

Занимающаяся исследованием человеческого прошлого классическая историография подобной проблемы не знает. Она не берет на себя

⁴ «Um das Neue begreiflich zu machen, ist man wohl gezwungen, es in Abhängigkeit vom Alten auszudrücken».

никакой ответственности за будущее человека, потому что своей единственной целью считает реконструкцию прошлого. А вот историки будущего никак не могут ограничиться исследованием одного лишь прошлого. Понимая, что никакое будущее не может существовать без прошлого, что любое будущее является продолжением определенного прошлого, они, обращаясь к реконструкции прошлого, делают это лишь для того, чтобы обосновать теорию определенного будущего.

В философии истории прошлое и будущее неразделимо связаны друг с другом. В философии истории будущее только тогда становится реальностью, когда оно приобретает «историческую основу», т.е. подтверждается историческими фактами. Однако все созданные философией истории концепции прошлого имеют, по мнению Кроче, один существенный недостаток: их всегда покрывает тонкий и прозрачный, как вуаль, слой исторического детерминизма: «Но как бы тонок ни был покров, он остается покровом, какой бы чистой ни казалась правда, она все же не совсем чиста, ибо где-то в глубине таится ложное убеждение в том, что для строительства истории необходимы: материал в виде грубых фактов, цемент причин и магия целей как три последовательных или противостоящих друг другу метода» [Кроче, 1998: 38].

В «материале фактов» и «цементе причин» нуждается также и обычный историк. Но в чем обычный историк никак не нуждается и чего он всеми силами стремится избежать – это попытки прогностизировать на основе реконструированного им прошлого человеческое будущее. Историк никогда не будет предпринимать подобной попытки, потому что тогда он лишит прошлого его самостоятельного статуса и превратит его в предпосылку будущего. На опасность подобного подхода указал в свое время немецкий историк XIX в. Леопольд фон Ранке, заметив, что «каждая эпоха имеет непосредственное отношение к Богу» [Ранке, 1971: 60]. И мы обязаны с ним согласиться. Потому что и мы, люди XXI в., определенно не ощущаем никакого желания быть «предпосылкой» какого-либо будущего. В то же время мы вынуждены признать, что любое прошлое зависит от *своего* будущего, как, впрочем, и любое будущее остается зависимым от *своего* прошлого. Но несмотря на то что прошлое и будущее принципиально зависят друг от друга, в отношениях между ними может наступить и состояние дисгармонии.

Рождение дисгармонии

Что есть дисгармония? Дисгармония означает несогласованность, несоответствие, а в музыкальном отношении несозвучие, одним словом, она есть нарушение гармонии. В то же время любая дис-

гармония содержит в себе потенциал / возможность устранения того несоответствия/нарушения/неединства или *dissentio* (лат.), на которое и указывает дисгармония. Цель дисгармонии заключается в том, чтобы указать на отсутствие гармонии или устранить то самое дис-, без которого она опять может стать гармонией. И этот самый дис-, как нарушающий гармонию элемент, мы без труда найдем в философско-исторической концепции как Маркса, так и Федорова.

Для Маркса подобной *дисгармонией* являлось *действительное* состояние человека, которое привело его к *самоотчуждению* или отчуждению от собственной *сущности*. Состояние подобной дисгармонии Маркс основательно анализирует в своих «Экономически-философских манускриптах» (1844), констатируя, что процесс развития труда привел к «обесценению человека» по отношению к «миру вещей»⁵ [Маркс, 1990: II, 75]. При капиталистическом способе производства характер отношения человека к произведенному им продукту приобрел «неестественную» и «неприродную» форму, потому что в капитализме не только произведенный человеком продукт, но и сам акт производства приобрел внешнюю власть над производителем. И теперь продукт, существование которого стало возможным только благодаря его производителю, «противостоит ему как враждебная и чуждая власть»⁶ [Маркс, 1990: II, 76].

Подобный характер отношения между производителем и его продуктом противоречит, по мнению Маркса, самой сущности человека, являющегося от природы *свободным* и стремящимся к гармонии существом. Капиталистический способ производства, и в этом состоит суть «капиталистической интриги», лишил человека его сущности, сделал его несвободным, потому что любое «существо является только в том случае свободным и независимым, если оно стоит на собственных ногах. Существо только тогда стоит на собственных ногах, если оно способно самостоятельно обеспечить свое собственное существование. Но если человек существует только благодаря милости другого человека, то тогда он становится существом зависимым»⁷ [Маркс, 1990: II, 106].

Маркс, таким образом, открывает в процессе развития человека настоящую интригу, причину которой он видит в дисгармонии или в

⁵ Дословно у Маркса: «Mit der Verwertung der Sachenwelt nimmt die Entwertung der Menschenwelt in direktem Verhältnis zu».

⁶ Дословно у Маркса: «Die Entäußerung des Arbeiters in seinem Produkt hat die Bedeutung nicht nur, daß seine Arbeit zu einem Gegenstand, zu einer äußeren Existenz wird, sondern daß sie außer ihm, unabhängig von ihm existiert und eine selbständige Macht ihm gegenüber wird, daß das Leben, was er dem Gegenstand verliehen hat, ihm feindlich und fremd gegenüber tritt».

⁷ «Ein Wesen gilt sich erst als selbständiges, sobald es auf eignen Füßen steht, und es steht erst auf eignen Füßen, sobald es sein Dasein sich selbst verdankt. Ein Mensch, der von der Gnade eines andern lebt, betrachtet sich als ein abhängiges Wesen».

dissonantia, т.е. в таком состоянии, которое противоречит самой человеческой сущности. Но факт дисгармонии Маркс констатирует по отношению к несуществующему *идеальному* состоянию или по отношению к *идее* несуществующего общества. То есть Маркс обосновывает свою *идею* будущего общества не как материалист, а скорее как идеалист, опираясь именно на *идеал* лишенного всякой дисгармонии коммунистического общества: «Коммунизм – необходимый образ и энергетический принцип ближайшего будущего...»⁸ [Маркс, 1990: II, 107]. Прийти к коммунизму, т.е. устранить существующую дисгармонию, *может* только «сам борющийся, угнетенный класс», который у Маркса выступает как «последний из закабаленных, как отомститель, завершающий от имени поколений поверженных дело освобождения труда»⁹ [Беньямин, 1977: 257].

Марксизм, таким образом, является по сути смысловой конструкцией, в которой «материал исторических фактов» и «цемент исторических причин» находят свое обоснование в одной лишь «магии целей» (Кроче). Благодаря утопическим целям *настоящее* приобретает в марксизме не только свое место в истории, но и свою конкретную историческую роль или свою историческую миссию. В учении Маркса самым причудливым образом переплетаются экономические и мистические идеи, реализм и утопизм. Кроме того, в отличие от религиозных верований его теория человеческого будущего не дает нам ответа на вопросы: почему *должно* наступить то, что *не должно* наступить? Почему должно стать *лучше*, а не *хуже*? Если по отношению к прошлому Маркс мыслит как реалист, то по отношению к будущему он рассуждает как *религиозный* идеалист. Его идея идеального и совершенного общества будущего чем-то напоминает материалистически обоснованное царство Божие на земле. Но именно по этой причине марксистская идея смогла завладеть умами миллионов, превратившись в мощную силу, которая начала преобразовывать мир по своему образу и подобию.

Философия истории Федорова в отличие от теории Маркса не оказала заметного влияния на ход истории, но и, надо сказать, не привела человека к исторической трагедии. Возможно, что причина этого лежала в том, что у Федорова дисгармонию *настоящей* жизни вызывают не социально-политические, а научно-технические факторы. Причину дисгармонии жизни Федоров видит в феномене человеческой смерти, которая, по его мнению, есть «общее выражение для всех бед, удручающих человека» [Федоров, 1982: 510]. Смерть лиша-

⁸ «Der Kommunismus ist die notwendige Gestalt und das energische Prinzip der nächsten Zukunft...».

⁹ «Das Subjekt historischer Erkenntnis ist die kämpfende, unterdrückte Klasse selbst. Bei Marx tritt sie als die letzte geknechtete, als die rächende Klasse auf, die das Werk der Befreiung im Namen von Generationen Geschlagener zu Ende führt».

ет человека свободы и самостоятельности и превращает его в простое явление природы. В этом смысле победа над смертью означала бы и победу человека не только над природными силами, но и над самим собой как «природным существом». По сути Федоров, как и Маркс, стремится преодолеть «отчуждение человека от своей сущности». Концепция будущего Федорова преследует ту же самую цель, что и концепция Маркса, а именно цель освобождения человека. Но что интересно, как Федоров, так и Маркс используют для обоснования своих концепций те же самые «факты», как бы подтверждая этим тезис Вена, что «факты существуют только в интригах и благодаря им; там они получают относительное значение, которое им приписывает (человеческая) логика театрального представления» [Вен, 2003: 67].

Федоров, например, указывает на неоценимую роль *прямохождения* в процессе становления человека. Но прямохождение играет большую роль и в исторической теории марксизма. Федоров высоко оценивает роль научно-технического прогресса в развитии человеческого общества, но и Маркс видит в научно-техническом прогрессе «мотор» развития человеческого общества. Однако если у Маркса научно-технический прогресс ведет к поляризации общества, порождая собой социальные конфликты или даже взрывы, то у Федорова научно-технический прогресс, наоборот, является фактором, который способствует «преодолению смут и революций». В качестве примера Федоров берет каторжный труд рудокопов, «регуляция» которого могла бы, по его мнению, способствовать улучшению их жизненной ситуации и «преодолению смут и революций». В этом случае Федоров мыслит, как и Маркс, в категориях будущего, но в отличие от Маркса он приходит к совершенно противоположным выводам, констатируя, что «положение рудокопов столь тяжело, что забывать о нем было бы непростительно, и положением именно их пользуются враги общества, социалисты, для возбуждения смут» [Федоров, 1982: 59]. Позиция Федорова недвусмысленна – он открыто называет социалистов врагами общества, исключая их таким образом из своей концепции *будущего*.

Но особенно радикально представления Маркса и Федорова расходятся по отношению к понятию «прогресс». В исторической концепции Маркса прогресс принимает форму линейного развития от низших способов производства к высшим. Для Федорова прогресс никак не может быть чисто техническим понятием – прогресс не может быть преимуществом «поздних» форм над «ранними», например «превосходством сынов над отцами (предками)» [Федоров, 1982: 78], а суть прогресса нравственно-моральная и состоит в том, чтобы «искоренить зло и водворить благо». Истинное благо для человека заключается, по Федорову, в том, чтобы воскресить мертвых и восстановить нарушенную связь поколений [Федоров, 1982: 81], преодолев,

таким образом, созданную жизнью дисгармонию. И опять же речь идет о дисгармонии, которую Федоров понимает совершенно по-другому, чем Маркс.

Федоров указывает на то, что философы издавна стремились найти и выделить у человека его особую, чисто *человеческую* черту, отличающую его от всех других существ. Таковыми часто назывались прямохождение, речь, память, мораль... Но Федоров считает ключевым качеством человека его способность погребать умерших, характеризует человека как «существо, которое погребает» [Федоров, 1982: 207]. Погребая, человек противопоставляет себя смерти и преодолевает в себе природное начало, освобождаясь от природной зависимости. Погребение есть вызов человека самой Вечности.

Позже на тему погребения обратил внимание и французский философ Владимир Янкелевич, заметивший, что человек вынужден существовать только в «теперь», т.е. на границе бытия и небытия, когда «прошлое больше нет, настоящее постоянно исчезает, а будущего еще нет...» [Янкелевич, 1999: 100]. Поэтому он и погребает умерших, пытаясь таким образом «обудуществить» прошлое, которое «становится воспоминанием и уроком для будущего только благодаря обудуществлению...» [Янкелевич, 1999: 100]. Однако Федоров в отличие от Янкелевича стремится не просто «обудуществить», а воскресить прошлое, считая, что человек только тогда преодолеет дисгармонию жизни, когда начнет воскрешать умерших. И здесь его теория будущего принимает, можно сказать, образ научной фантастики.

Подводя итог нашему анализу философии будущего Федорова, замечу, что Федорову удастся создать такую модель будущего, в которой прошлое практически перестает быть *прошлым*, а становится *будущим*, в которой мертвые перестают быть мертвыми, а становятся живыми. То есть границы между прошлым и будущим принимают в философии Федорова символический характер. Однако история для Федорова, как и для Маркса, прежде всего место действия *человека созидательного*.

Человек созидательный

По аналогии с музыкантом историк будущего стремится придать музыке жизни гармоничное звучание. Музыкант, чтобы устранить дисгармонию, стремится подобрать подходящие ноты. Но то же самое делает и обнаруживший в человеческой *действительности* дисгармонию философ. Движимый идеалами будущего и стремящийся к гармонии философ пытается преодолеть обнаруженную им дисгармо-

нию и сделать таким образом человеческое общество «*zukunftsfähig*» (нем. способным к будущему и ориентированным на будущее).

В дисгармонии жизни проявляется себя противоречие между тем, что есть, и тем, что должно быть, или же противоречие между *существованием* и *долженствованием*. Это противоречие, однако, возникает лишь там и тогда, где и когда человек воспринимает то, что есть, с точки зрения того, что должно быть. Пытаясь достигнуть *должного*, человек созидательный стремится таким образом достигнуть состояния общественной *гармонии*, которая для него есть идеальный образ мира. Но и устремляясь в будущее, человек созидательный никогда не порывает со своим прошлым, хорошо понимая, что *несуществующее* может быть легитимировано только *существующим*, а *ненаступившее* – только *наступившим*.

Человек может построить здание будущего только на фундаментах своего прошлого. И эти заложенные в прошлом фундаменты определяют сегодня как архитектуру, так и структуру будущего здания. При этом было бы ошибкой считать, что только прошлое определяет будущее. Также будущее может заставить человека увидеть свое прошлое в совершенно новом свете, открыть в нем *новое*. По этой причине «то, что мы определяем как цель нашего будущего, обуславливает значение нашего прошлого»¹⁰ [Дильтей, 1993: 288–289]. И только самые недалёковидные историки могут утверждать, что прошлое не имеет никакого отношения к будущему. Прошлое всегда несет в себе зародыш своего будущего. История никак не может быть «мертвой наукой» или же наукой «только о мертвых» [Серто, 1991: 67], как это утверждает Мишель де Серто, она является наукой *о живых* и наукой *для живых*.

Заключение

Не только история, но и философия истории вынуждена прибегать к историческому методу исследования, который принципиально нацелен на познание как *давно прошедшей / ушедшей*, так и *еще не наступившей* действительности. При этом *еще не наступившее* интересует человека, как правило, гораздо сильнее, чем *давно ушедшее / прошедшее*. Будущее интересует человека больше, чем прошлое, потому что только будущее открывает ему перспективу развития, будит в нем надежды и побуждает его к действию. Человек (ре)конструирует свое прошлое только для того, чтобы лучше познать будущее.

¹⁰ «Was wir unserer Zukunft als Zweck setzen, bedingt die Bestimmung der Bedeutung der Vergangenheit».

Однако будущее человек может описать только в рамках особых нарративных конструкций, которые в отличие от чисто исторических реконструкций содержат в себе высказывания о прошлом и о будущем. Поль Вен обозначил эти конструкции как интриги. Маркс и Федоров действительно открывают в человеческой истории интригу, которая приводит к дисгармонии *настоящей* жизни. Но если у Маркса причиной дисгармонии жизни явилось стремительное развитие капиталистического способа производства (капиталистическая интрига), то у Федорова в основе интриги лежит стремительное развитие науки и техники (научно-техническая интрига). Проблема для Маркса и Федорова лежит в том, что историческая интрига привела к отчуждению человека от его собственной сущности, вызвав дисгармонию жизни. Как Маркс, так и Федоров

видят причину дисгармонии *настоящей* жизни в противоречии между состоянием, которое есть, и состоянием, которое должно быть, т.е. в противоречии между *существованием* и *долженствованием*; призывают человека преодолеть состояние дисгармонии; исходят из тезиса, что до сих пор «философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»¹¹ [Маркс, 1990: I, 140].

Маркс и Федоров стремятся не только *объяснить*, но и *изменить* мир, призывая человека к действию. Именно этот момент отличает их исторические концепции от концепций обыкновенных историков. Маркс и Федоров возвращают этих историков из полусонного состояния в действительность, у которой кроме *прошлого* есть еще и свое *будущее*.

Библиографический список

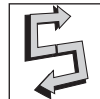
Беньямин, 1977 – *Беньямин В.* О понятии истории. Франкфурт-на-Майне, 1977 (*Benjamin Walter. Über den Begriff der Geschichte // W. Benjamin. Illuminationen. Ausgewählte Schriften. Frankfurt a. M., 1977*).

Бергсон, 1985 – *Бергсон А.* Философская интуиция. Доклад на философском конгрессе в Болонье 10 апреля 1911 г. (*Bergson H. Die philosophische Intuition. Vortrag auf dem philosophischen Kongreß in Bologna am 10. April 1911 // Denken und schöpferisches Werden. Frankfurt a. M., 1985*).

Вен, 2003 – *Вен П.* Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003 (*Veune P. Comment on écrit l'histoire. Essai d'épistémologie. P.: Éditions du Seuil, 1971*).

Данто, 1980 – *Danto A.C.* Analytische Philosophie der Geschichte. Frankfurt a. M., 1980 (*Danto A.C. Analytic Philosophy of History, 1965*).

¹¹ Дословно у Маркса: «Die Philosophen haben die Welt nur verschieden *interpretiert*, es kömmt drauf an, sie zu *verändern*».

Дильтей, 1993 – *Дильтей В.* Построение исторического мира в науках о духе. Франкфурт-на-Майне, 1993 (*Dilthey W.* Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1993).

Кроче, 1998 – *Кроче Б.* Теория и история историографии ; перев. с итал. И.М. Заславской ; послесл. Т.В. Павловой ; науч. ред. М.Л. Андреев. М. : Языки русской культуры, 1998 (*Croce B.* Teoria e storia della storiografia, 1917).

Маркс, 1990 – *Marx K.* Werke // К. Marx, F. Engels. Studienausgabe in IV Bänden. Frankfurt a. M., 1990.

Ранке, 1971 – *Ranke L. von.* Über die Epochen der neueren Geschichte. Vorträge dem Könige Maximilian II. von Bayern im Herbst 1854 zu Berchtesgaden gehalten. Vortrag vom 25. September 1854. Historisch-kritische Ausgabe ; Hg. v. T. Schieder und H. Berding. München, 1971.

Серто, 1975 – *Certeau M.* Das Schreiben der Geschichte, Frankfurt a. M., 1991 (*L'écriture de l'histoire.* P. : Edition Gallimard, 1975).

Федоров, 1982 – *Федоров Н.Ф.* Сочинения. М. : Мысль, 1982.

Шопенгауэр, 2009 – *Schopenhauer A.* Die Welt als Wille und Vorstellung. Köln, 2009.

Янкелевич, 1977 – *Янкелевич В.* Смерть ; перев. с франц. А.Е. Адриянова, В.П. Большакова, Г.В. Волкова, Н.В. Кислова. М. : Изд-во Литературного ин-та им. А.М. Горького, 1999. С. 100.